

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

М.Е. Бойко

ПРОБЛЕМА 0-ХАРАКТЕРА НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА РОБЕРТА МУЗИЛЯ «ЧЕЛОВЕК БЕЗ СВОЙСТВ»

Аннотация. Исследуется проблема 0-характера (или нулевого характера), которая обычно формулируется так: существуют ли повествования или другие нарративные формы, не сообщающие никакой информации о характере некоторых своих акторов (персонажей)? В отношении живых людей такой проблемы не возникает, поскольку за каждым живым человеком тянется длинный шлейф характерологических признаков. Иначе обстоит дело с диегетическими лицами — как вымышленными, так и фактуальными. 0-характером заведомо обладают акторы, о которых только упоминается. Роман Роберта Музиля «Человек без свойств» можно рассматривать как мону-ментальную попытку сконструировать персонажа с нулевым характером. Если таково было намерение Музиля, то оно увенчалось блистательной неудачей — характер Ульриха легко прочитывается. Но Музиль показывает, что, не зная внутренних мотивов и мыслей Ульриха, мы испытывали бы сильнейшее искушение истолковать его поступки и слова неверным образом. А значит, термины «характер» и «тип характера» не могут быть определены бихевиористским способом даже в отношении диегетических лиц.

Ключевые слова: филология, психологическое литературоведение, актер, диегетическое лицо, персонаж, Роберт Музиль, структурализм, характерологический признак, характер, Человек без свойств.

0-характер у людей и персонажей

Проблема 0-характера (или нулевого характера) обычно формулируется так: существуют ли повествования или другие нарративные формы, не сообщающие никакой информации о характере некоторых своих акторов (диегетических лиц, персонажей)?

Значение термина «0-характер» можно прояснить с помощью метафоры. Наделение актора (А.Ж. Греймас) или диегетического лица (Ж. Женнет, Э. Сурио) характером похоже на приготовление супа из характерологических признаков. Мы можем добавить в кипящую воду один, два, три и так далее ингредиентов. А что будет, если не добавить ни одного? Это и есть 0-характер.

Встречается ли 0-характер у живых людей? Можем ли мы представить себе человека, не обнаруживающего в своем поведении ни одной *достаточно* выраженной особенности — характерологического признака? Интуиция и здравый смысл подсказывают, что нет. За каждым человеком тянется длинный шлейф характерологических признаков.

Мы можем выбрать одну из десятков существующих на сегодняшний день характерологических систем (типологий характеров) и распределить эти характерологические признаки по логическим классам, соответствующим различным типам характера. Если признаки некоторого типа характера образуют подавляющее большинство, мы говорим о *простом* характере. В противном случае мы говорим о *сложном* характере и о нескольких характерологических радикалах в его структуре¹.

Итак, человек не может иметь нулевой характер. А, например, диегетический человек, персонаж? Может. Нулевым характером заведомо обладают персонажи, о которых только упоминается, но не сообщается никаких подробностей. Заведомо 0-характером обладают многие персонажи из библейских родословий. «Сыновья Иегдая: Регем, Иофам, Гешан, Пелет, Ефа и Шааф» (1 Пар. 2:47). Это все, что мы знаем об упомянутых лицах. Таким образом,

¹ Бойко М.Е., Руднев В.П. Реализм и характер // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3.

каждый из них, как персонаж библейского текста, имеет 0-характер.

Если сообщаемые сведения о персонаже не настолько скудны, то многое зависит от выбора типологии характера — персонаж, имеющий вполне определенный характер в одной типологии характеров, может иметь 0-характер в другой. Пусть, например, о персонаже Y сообщается только то, что ровно в 7:15 он обычно отправляется на пробежку. Это является характерологическим признаком в типологии К. Леонгарда, поскольку с большой вероятностью указывает на педантический характер. Если о персонаже Z нам сообщается только то, что он «притворщик», то при выборе типологий характеров П.Б. Ганнушкина, А.Е. Личко или М.Е. Бурно такая подробность сразу изобличит истерический (демонстративный) характер.

Но если мы используем бинарную характерологию А. Адлера², то и персонаж Y, и персонаж Z имеют нулевой характер, поскольку сообщенная информация не позволяет приписать персонажам ни агрессивный, ни дефензивный характер, т. е. не содержит характерологических признаков. Ни привычка отправляться каждое утро в одно и то же время на прогулку, ни склонность к притворству однозначно не указывают ни на агрессивный, ни на дефензивный характер.

Можно предположить, что главный герой незаконченного романа Роберта Музиля (1880-1942) «Человек без свойств» (1921-1942) задумывался как персонаж с 0-характером. А под «свойствами» автор подразумевал как раз то, что мы называем характерологическими признаками. Это можно понять из ключевой фразы романа: «И среди этих раздумий Ульрих вдруг должен был с улыбкой признать, что он при всем при том — некий характер, хотя характера у него нет» (I, 182)³.

Музилю не удалось создать персонажа без свойств — характер этого персонажа легко идентифицируется. Например, в типологиях характеров П.Б. Ганнушкина, А.Е. Личко или М.Е. Бурно Ульрих обладает ярко выраженным шизоидным (аутистическим, замкнуто-углубленным) характером. Но титаническая, хотя и безуспешная в этом отношении попытка создать объемный образ персонажа с 0-характером чрезвычайно интересна и поучительна. Поэтому перечитаем роман, обращая внимание на характерологические детали в поведении главного героя.

Ульрих и его карьера

«Человека без свойств» зовут Ульрих. Ему тридцать три года. Он очень тщательно одет, «гладко выбрит, высокого роста, хорошо тренирован и гибко-мускулист, лицо его было ясно и непроницаемо» (I, 121).

Его отец — состоятельный университетский профессор и юридический консультант земельной аристократии, представитель широко распространенного в германоязычном мире типа сухого, занудливого моралиста, педанта и ананкаста, однако после его смерти Ульрих с сестрой Агатой обнаруживают в его кабинете внушительную порнотеку.

Ульрих сообщает о своем детстве: «Я был, вы не поверите, славным ребенком; мягким, как воздух теплой лунной ночью. Мне ничего не стоило влюбиться в какую-нибудь собаку или в какой-нибудь ножик...» (I, 446–447).

Ульрих «не помнил такой поры своей жизни, которая бы не была проникнута желанием стать выдающимся человеком» (I, 59), с этой потребностью он, казалось, родился. В юности выдающимся человеком он считал Наполеона. В сочинении о любви к отечеству написал, что «серьезный друг отечества никогда не будет считать свое отечество самым лучшим» (I, 41), за что едва не был исключен из школы.

Приведенные детали указывают на сильную автономию внутреннего мира, которая присуща замкнуто-углубленным, или аутистическим, личностям. Собственно, аутистичность (самособойность) есть «определенная природная самостоятельность, независимость “Я” от внешних воздействий, событий»⁴.

Попыток стать выдающимся человеком Ульрих предпринял три. Разделавшись со школой, он стал прапорщиком в кавалерийском полку: «Он участвовал в скачках, дрался на дуэлях и <...> предавался великолепному пессимизму; ему казалось, что раз ремесло солдата есть такое острое и раскаленное орудие, то этим орудием надо сечь и резать мир ему же на благо» (I, 59). Его намерение попасть «на арену потрясающих мир приключений» не осуществилось, но нам сообщается, что Ульрих не проклял бы учебного плаца, если бы не был так честолюбив.

Тогда Ульрих решил стать инженером и поступил на службу в фабричную администрацию. Теперь он одержим идеей перестройки мира и всех человеческих отношений на основе технического мышления. Однако обнаруживает, что все его коллеги предложение применить смелость своих мыслей не к своим машинам, а

² Адлер А. Наука о характерах: понять природу человека. М.: Академический проект, 2011.

³ Все цитаты из романа приводятся по изданию: Музиль Р. Человек без свойств / пер. с нем. С.К. Апта: в 2 т. М.: Ладомир, 1994.

⁴ Бурно М.Е. О характерах людей. 3-е изд. М.: Академический проект, 2008. С. 45.

к самим себе «восприняли бы так же, как требование воспользоваться молотком с противоестественной целью убийства» (I, 62).

Третье поприще — математика, увлечение замкнуто-углубленных личностей *par excellence*. Интересна мотивировка, демонстрирующая причудливую аутистическую логику. Ульрих, оказывается, «любил математику из-за людей, которые ее терпеть не могли» и «был не столько научно, сколько по-человечески влюблен в эту науку», поскольку математики думают иначе, чем обыкновенные люди (I, 64). Ум Ульриха «должен был доказать свою остроту и силу и выполнял работу силачей. Это наслаждение мощью ума было ожиданием, воинственной игрой, каким-то неопределенным, но властным притязанием на будущее» (I, 70).

Человек без свойств как аутистическая личность

В Вене Ульрих снял маленький замок «из озорства и потому, что он терпеть не мог обычных квартир», «это была авантюра, исход которой вынудил его обратиться за помощью к отцу, что ему, человеку без свойств, отнюдь не было приятно, ибо он любил свою независимость» (I, 36). Вопреки Музилу заметим, что любовь к независимости — это важное свойство, а именно характерологический признак, присущий нескольким типам характера, но в особенности замкнуто-углубленным личностям.

Почти сразу обнаруживается, насколько зыбкой для Ульриха является граница между возможным и невозможным, до какой степени внутренний мир заслоняет для него мир внешний. Вот Ульрих принимается собственноручно делать наброски новой мебели для своего замка: «Но как только он придумывал какую-нибудь внушительно-громоздкую форму, ему приходило в голову, что ее вполне можно заменить технично скупой, функционально оправданной, а стоило ему набросать какую-нибудь истощенную собственной силой железобетонную форму, он вспоминал по-весеннему тощие формы тринадцатилетней девочки и начинал мечтать, вместо того чтобы принять решение» (I, 43).

Дальше еще интересней: «Постепенно он стал выдумывать вообще только невыполнимые интерьеры, вращающиеся комнаты, калейдоскопические устройства, трансформируемые приспособления для души, и его идеи становились все более и более бессодержательными» (I, 43). Это уже то, что М.Е. Бурно называет аутистическими «кружевами»⁵, в которых отражается не столько внешний мир, сколько концептуально-теоретическое к нему отношение. Музиль подробно рас-

писывает, как это происходит: Ульрих «не строил себе иллюзий относительно ценности своих мыслительных экспериментов; хотя они никогда не пригоняли мысль к мысли без последовательности, но выходило это так, словно ты ставил стремянку на стремянку, а верх в результате качался в высоте, далекой-предалекой от естественной жизни» (I, 667).

Ульрих как персонаж обладает не «чувством реальности» (утрированным носителем которого выступает другой герой романа — промышленник Арнгейм), а «чувством возможности»: «<...> чувство возможности можно определить как способность думать обо всем, что вполне могло бы быть, и не придавать тому, что есть, большую важность, чем тому, чего нет. <...> Такие люди возможности витают, как говорят, в облаках, в облаках фантазии, мечтаний и сослагательного наклонения. У детей, имеющих эту тягу, ее настойчиво искореняют, называя при них таких людей фантазерами, мечтателями, слюнтяями, а также критиканами и придирами» (I, 38).

Отсюда и попытки «жить гипотетически» (I, 290), и парадоксальная нестандартность суждений Ульриха: «реализация всегда привлекает меня меньше, чем нереализуемое, причем я имею в виду не только нереализуемое в будущем, но в такой же мере и то, что прошло и упущено» (I, 318), «хочу сказать, что в реальности таятся нелепая жажда нереальности!» (I, 332).

Ульриху свойственны странные нетипичные ассоциации, так он не выносил «всегда открытого рояля с оскаленными зубами, этого широкомордого, коротконогого — помесь таксы с бульдогом — идола, подчинившего себе жизнь его друзей» (I, 72). Сексуальный маньяк Моосбругер «волновал его как темное стихотворение, где все немного искажено и смещено и являет какой-то раздробленный, таящийся в глубине души смысл» (I, 151).

Эта отстраненность от социальной «реальности», даже презрение к ней, вполне осознается Ульрихом, поскольку вытеснение нехарактерно для аутистических личностей. Человек без свойств не прочь упразднить реальность, как назойливую помеху. Вот типичный разговор Ульриха с кузиной Диотимой:

«— А вы-то что сделали бы, — спросила Диотима сердито, — если бы вам дано было один день управлять миром??

— Мне, пожалуй, не осталось бы ничего другого, как отменить реальность!

— Хотела бы знать, как бы вы это сделали!

— Этого я и сам не знаю. Я даже толком не знаю, что я подразумеваю под этим» (I, 333).

Ульрих терпеть не может «смесь покорности и слепой любви в отношении к жизни, мирящуюся с ее

⁵ Там же. С. 50-51.

противоречиями и половинчатостью, как старая дева с неотесанностью молодого племянника» (I, 50). Он мечтатель: однажды он «возвратился из заоблачной выси и сразу же снова обосновался в заоблачной выси» (I, 44).

Ульрих наделен слабой способностью к сопереживанию, эмпатии, поэтому то и дело обнаруживает недостаток такта. Он «не чувствителен, когда дело касается других людей, и редко вникал в их положение, если не хотел раскусить их для своих целей» (I, 184). В разговорах с кузиной Диотимой: «Ответы его очень часто бывали такого рода. Когда она говорила о красоте, он говорил о жировой ткани, поддерживающей кожу. Когда она говорила о любви, он говорил о годичной кривой, указывающей на автоматическое увеличение и уменьшение рождаемости» (I, 323).

Вот что говорит об Ульрихе друг его юности Вальтер:
«— Он человек без свойств!

— Что это такое? — спросила Кларисса, хихикнув.

— Ничего. Именно ничего! <...> Ты не можешь угадать его профессию по его виду, однако он не выглядит и как человек, профессии не имеющий. А теперь сообрази, каков он. Он всегда знает, что надо сделать. Он может посмотреть женщине в глаза. Он может в любую минуту тщательно все обдумать. Он может пустить в ход кулаки. Он талантлив, наделен силой воли, лишен предрассудков, мужествен, вынослив, напорист, осторожен — не хочу проверять все это по отдельности, пусть у него будут все эти свойства. Ведь у него-то их нет! Они сделали из него то, что он есть, и определили его путь, и все же они ему не принадлежат. Когда он зол, в нем что-то смеется. Когда он грустен, он что-то готовит. Когда его что-то трогает, он этого не приемлет. Любой скверный поступок покажется ему в каком-то отношении хорошим. Всегда лишь какая-то возможная связь решает для него, как смотреть на то или иное дело. Для него нет ничего раз навсегда установленного. Все видоизменяемо, все — часть целого, бесчисленных целых, принадлежащих, возможно, к сверхцелому, которого он, однако, ни в коей мере не знает. Поэтому каждый его ответ — ответ частичный, каждое его чувство — лишь точка зрения, и важно для него не «что это», а лишь какое-нибудь побочное «каково это», важна для него всегда какая-то примесь. Не знаю, понятно ли я говорю» (I, 90-91).

Другие радикалы в структуре характера Ульриха

Ульрих часто эпатирует собеседников с единственной целью произвести впечатление. Так, в беседе со своими друзьями-музыкантами он объявил

музыку «немощью воли и расстройством ума и говорил о ней пренебрежительнее, чем думал на самом деле» (I, 73).

Ульрих о своей первой любви: «Я убежал от любимой за тысячу километров и, когда почувствовал себя застрахованным от всякой возможности ее реальных объятий, стал выть на нее, как пес на луну!» (II, 105).

В образе Ульриха обнаруживаются педантические черты и навязчивые действия. Однажды он стоял у окна «и уже десять минут с часами в руке считал автомобили, экипажи, трамваи и размытые расстоянием лица пешеходов, заполнявших сеть взгляда торопливым снованием; он определял скорости, углы, кинетическую энергию движущихся физических тел, которые молниеносно притягивают, привязывают, не отпускают глаз и в течение не поддающегося никакому учету времени заставляют внимание упереться в них, оторваться, перескочить к следующему и метнуться за ним; короче говоря, немного посчитав в уме, он со смехом спрятал часы в карман и пришел к заключению, что занимался ерундой» (I, 34).

При желании в характере Ульриха можно обнаружить черты шизофренической личности. Это наполняющая все его существо раздвоенность — схизис.

«Но в то время, как один Ульрих, улыбаясь, шел с этими мыслями сквозь плывший над землей вечер, другой сжимал кулаки с болью и злостью» (I, 187). «Порой он испытывал прямо-таки ревность к своей внешности, как к сопернику, действующему дешевыми и не совсем чистыми средствами, и в этом проявлялось противоречие, присущее и другим, которые его не чувствуют» (I, 329). «И вдруг <...> голые деревья показались ему на редкость телесными, безобразными и мокрыми, как черви, и все же такими, что хотелось обнять их и припасть к ним с залитым слезами лицом» (I, 299). «<...> ему просто доставляло удовольствие создавать затруднения своим склонностям, которые когда-то были иными» (I, 35). «Он был, несомненно, человек верующий, который просто ни во что не верил» (II, 171). «<...> ко всему на свете его что-то влекло, а что-то более сильное не давало ему туда идти» (I, 185). Каждое утро Ульрих делает физические упражнения, колотит по груше для бокса, хотя временами это и кажется ему «невыразимо нелепым» (I, 71).

Автор сообщает об Ульрихе, что он из тех, кто «склонны по натуре то к легкой чрезмерности, то к столь же незначительной недостаточности усердия» (II, 16). Вальтер говорит, что: «величайшей энергией Ульрих делает всегда только то, что не считает необходимым» (I, 145). Ульрих называет себя человеком «страстной нецелостности» (II, 446-447).

А вот и чисто шизофренический признак — галлюцинации и «голоса». В один из дней «мысли его сжались и, словно глядя в образовавшуюся щель» (I, 147), он увидел суд над сексуальным маньяком Моосбругером. Далее автор заверяет: «Он еще никогда в жизни не «слыхал голосов»; не таков он был, бог свидетель. <...> Он, наверно, истомился от работы и скуки; тогда такое порой случается; но слышать голоса ему вовсе не было неприятно» (I, 149).

Персонаж с избытком свойств

Может показаться, что роман Роберта Музиля учит, что в основе великих литературных произведений может лежать концептуальный провал, или, как выражался Жак Адамар, «парадоксальная неудача»⁶. Вопреки первоначальному замыслу (насколько мы можем его реконструировать) Музиль создал одного из самых богатых свойствами персонажей в сокровищнице мировой литературы — поистине «персонажа с избытком свойств». Можно даже высказать гипотезу, что для любого *достаточно* объемного литературного произведения, содержащего подробное описание внутренней жизни некоторого персонажа и его поступков, всегда можно подобрать некоторую типологию характеров (или сконструировать ее *ad hoc*), с помощью которой характер данного персонажа легко идентифицируется.

Обратимся теперь к ключевой фразе, с которой мы начали анализ: «И среди этих раздумий Ульрих вдруг должен был с улыбкой признать, что он при всем при том — некий характер, хотя характера у него нет» (I, 182). Почему Ульрих — некий характер, мы разобрались. Но если протагонисту все равно приписывается отсутствие характера, то, по-видимому, для этого имеются какие-то минимальные основания. Какие это основания?

Список литературы:

1. Адлер А. Наука о характерах: Понять природу человека. М.: Академический проект, 2011.
2. Белянин В.П. Психологическое литературоведение: Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М.: Генезис, 2006.
3. Бойко М.Е., Руднев В.П. Реализм и характер // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3.
4. Бойко М.Е. Метод структурного анализа характеров литературных персонажей: Аprobация и первые итоги // Культура и искусство. 2012. № 1 (7).
5. Бурно М.Е. О характерах людей. 3-е изд. М.: Академический проект, 2008.
6. Волков П.В. Разнообразии человеческих миров. М.: Аграф, 2000.
7. Выготский Л.С. Психология искусства. 3-е изд. М.: Искусство, 1986.
8. Греймас А.Ж. Структурная семантика: Поиск метода. М.: Академический проект, 2004.

Можно заметить, что структурный анализ характера Ульриха так легко приводит к успеху потому, что литература способна показывать не только внешние, но и внутренние характерологические признаки. Если исключить из рассмотрения все характерологические признаки, относящиеся к мыслям и внутренней жизни Ульриха, то осталось бы не так уж много — только последовательность действий и слов персонажа. Но Музиль показывает, что, не зная внутренних мотивов и мыслей Ульриха, мы испытывали бы сильнейшее искушение истолковать его поступки и слова неверным образом. Мы получили бы ребус из переплетения логики и иррационализма, спонтанности и тонкого расчета, притворства и искренности, хладнокровия и вспышек ярости.

Возможно даже, что Музиль отрицал существование характера у «внешнего» Ульриха из тех же соображений, из каких Л.С. Выготский отрицал существование характера у Гамлета — поскольку «этот характер сложен из самых противоположных черт» и «невозможно придумать какого-либо правдоподобного объяснения его речам и поступкам»⁷.

Если так, то в романе «Человек без свойств» выражена тонкая мысль, что внутренние неявные характерологические признаки гораздо важнее внешних, доступных наблюдению, характерологических признаков. Иначе говоря, понятия «характер» и «тип характера» не могут быть определены в бихевиористских терминах. Не поэтому ли, как пишет Музиль, «Ульрих твердо полагал, что человек, наделенный умом, обладает всеми его видами, вследствие чего ум изначально, чем свойства» (I, 147)?

Получается, что в основе великого романа «Человек без свойств» лежит отнюдь не концептуальный провал, как мы поспешно предположили, а глубочайшее психологическое прозрение.

⁶ Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М.: Советское радио, 1970. С. 49.

⁷ Выготский Л.С. Психология искусства. 3-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 223.

9. Женнет Ж. Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
10. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов-н/Д: Феникс, 2000.
11. Мак-Вильямс Н. Психодинамическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 2011.
12. Руднев В.П. Характеры и расстройства личности: Патография и метапсихология. М.: Класс, 2002.
13. Руднев В.П. Введение в шизореальность. М.: Аграф, 2011.

References (transliteration):

1. Adler A. Nauka o kharakterakh: Ponyat' prirodu cheloveka. M.: Akademicheskii proekt, 2011.
2. Belyanin V.P. Psikhologicheskoe literaturovedenie: Tekst kak otrazhenie vnutrennikh mirov avtora i chitatelya. M.: Genezis, 2006.
3. Boiko M.E., Rudnev V. P. Realizm i kharakter // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2011. № 3.
4. Boiko M.E. Metod strukturnogo analiza kharakterov literaturnykh personazhei: Aprobatsiya i pervye itogi // Kul'tura i iskusstvo. 2012. № 1 (7).
5. Burno M.E. O kharakterakh lyudei. 3-e izd. M.: Akademicheskii proekt, 2008.
6. Volkov P.V. Raznoobrazie chelovecheskikh mirov. M.: Agraf, 2000.
7. Vygotskii L.S. Psikhologiya iskusstva. 3-e izd. M.: Iskusstvo, 1986.
8. Greimas A.Zh. Strukturnaya semantika: Poisk metoda. M.: Akademicheskii proekt, 2004.
9. Zhennet Zh. Figury. V 2-kh tt. M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 1998.
10. Leongard K. Aktsentuirovannye lichnosti. Rostov n/D: Feniks, 2000.
11. Mak-Vil'yams N. Psikhoanaliticheskaya diagnostika: Ponimanie struktury lichnosti v klinicheskom protsesse. M.: Klass, 2011.
12. Rudnev V.P. Kharaktery i rasstroistva lichnosti: Patografiya i metapsikhologiya. M.: Klass, 2002.
13. Rudnev V.P. Vvedenie v shizoreal'nost'. M.: Agraf, 2011.